

состав семьи; многочисленная семья; вся семья в сборе; складывается новая семья и т.д. Соответственно, концепт «семья» включает в себя следующие единицы: основной концепт «семья», его ближайшее окружение: «семейство», «фамилия», «гнездо», «домашние», «домочадцы», «близкие», а также термины родства и свойства, которые неотделимы от представлений о семье в сознании носителей русского языка: *отец, мать, сын, дочь, брат, сестра, дедушка, бабушка, прадедушка, прабабушка, внук, внучка, правнук, правнучка и др.; свекор, свекровь, тесть, теща, зять, сноха, невестка, золовка, шурин, деверь.*

Семья – это «группа близких родственников, живущих вместе». Из того определения следует, что для говорящих по-русски важны следующие признаки семьи:

- 1) совокупность лиц;
- 2) родственные отношения;
- 3) совместное проживание.

На современном этапе языкового развития *домашние* – это живущие в доме члены семьи, т.е. родственники, и только в редких частных случаях – неродные люди, живущие в доме.

Домашние. Как свидетельствуют словари, *домашние* – это разговорное обозначение «членов семьи; лиц, живущих с кем-либо вместе»

Домочадцы. Слово-понятие домочадцы – «устаревающее – члены семьи, а также родственники, жившие в доме на правах членов семьи; домашние» – вызвало оживленную дискуссию.

Близкие. В большинстве анкет это слово приводится как синоним слова родные. Семья плюс близкие друзья являются близкими. К близким родственникам относят только мужа/жену, друзей или родителей.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАУКИ И ПРАВСТВЕННОСТИ В ФИЛОСОФИИ КАНТА

УО «Гродненский государственный медицинский университет»

Симоненко А.Л., 2 к., 5 гр., МПФ

Кафедра социально-гуманитарных наук
Научный руководитель – Шафаревич И.О.

Воздействие науки на человека двойственно. Прежде чем предложить ему действительные знания, она разрушает массу фиктивных представлений, долгое время казавшихся действительным знанием. Прежде чем вызвать к жизни новые средства практического господства над миром, она безжалостно

дискредитирует инструменты фиктивного воздействия на реальность, надежность которых ранее не вызывала сомнений. Наука разрушает ложную и наивную уверенность, часто – не будучи в состоянии предложить взамен новую, столь же прочную, широкую, субъективно удовлетворяющую.

Факт, что наука есть разрушительница фиктивного всезнания (что научное знание одновременно является безжалостным осознанием границ познавательных достоверностей) и что условием сохранения этой интеллектуальной честности является самостоятельность людей, к которым наука обращена, был глубоко понят в философии Иммануила Канта. Кант как-то назвал свое учение «подлинным просвещением». Его суть (в отличие от «просвещения наивного») он видел в том, чтобы не только вырвать человека из-под власти традиционных суеверий, но еще и избавить его от суеверных надежд на силу теоретического разума, от веры в разрешимость рассудком любой проблемы, вырастающей из обстоятельств человеческой жизни.

Кантовское учение о границах теоретического разума было направлено не против исследовательской дерзости ученого, а против его необоснованных претензий на пророчества и руководство личными решениями людей. Вопрос о границах достоверного знания был для Канта не только методологической, но и этической проблемой (проблемой «дисциплины разума», которая удерживала бы науку и ученых от сциентистского самомнения). «Что темперамент, а также талант... – писал Кант в «Критике чистого разума», – нуждаются в некоторых отношениях в дисциплине, с этим всякий легко согласится. Но мысль, что разум, который, собственно, обязан предписывать свою дисциплину всем другим стремлениям, сам нуждается еще в дисциплине, может, конечно, показаться странной; и в самом деле, он до сих пор избегал такого унижения именно потому, что, видя торжественность и серьезную осанку, с какой он выступает, никто не подозревал, что он легкомысленно играет порождениями воображения вместо понятий и словами вместо вещей».

Типичной формой подобной игры Кант считал попытки «научного» построения разного рода всеобщих регулятивов, которые могли бы направлять человека в его коренных жизненных выборах. Разрабатывая данную тему, Кант выступил против основной для его времени формы сциентизма – против научных обоснований идеи существования бога и идеи бессмертия души (занятия, которому предавались не одни только теологи). «Критика чистого разума» обнаруживала, что эти обоснования не отвечают требованиям теоретической доказательности, что, будучи развернуты честно, они приводят к высшим проявлениям неопределенности – антиномиям, метафизическим альтернативам. Несколько лет спустя Кант в работе

«Критика практического разума» показал, что развитая личность нуждается только в знании, а не в опеке знания, ибо относительно «цели» и «смысла» она уже обладает внутренним ориентиром – «моральным законом в нас».

Обосновывая нравственную самостоятельность человека, Кант решительно отменяет постулат о непрерывной «целесообразности» («практичности») человеческого поведения. В произведениях самого Канта понятие «практический» имеет особый смысл, глубоко отличный от того, который обычно вкладывается в слова «практика» и «практицизм». Под «практическим действием» Кант подразумевает не производящую деятельность, всегда имеющую в виду некоторый целесообразный результат, а просто поступок, то есть любое событие, вытекающее из человеческого решения и умысла. Это такое проявление человеческой активности, которое вовсе не обязательно имеет некое «положительное», предметное завершение. «Практическое действие» в кантовском смысле может состоять и в отрицании практического действия в обычном смысле. Человек совершает поступок и тогда, когда он уклоняется от какого-либо действия, остается в стороне. Примеры подобного самоотстранения подчас вызывают не меньшее восхищение, чем образцы самовдохновенного творчества и самого усердного труда.

Многие вещи способны возбудить удивление и восхищение, но подлинное уважение вызывает лишь человек, не изменивший чувству должного, иными словами, тот, для кого существует невозможное: кто не делает то, что нельзя делать, и избирает себя для того, чего нельзя не делать. Отказ и личная стойкость могут присутствовать и в практическом действии в обычном смысле слова. Творческая деятельность сплошь и рядом включает их в качестве самоограничения ради сознательно выбранного призвания. Однако окончательный предметный продукт творчества нередко скрывает от нас, что он был результатом человеческого поступка, личного выбора, который означал отказ от чего-то другого, лишение, внутренний запрет. В фактах отречения от действия структура поступка выявляется гораздо нагляднее.

Своеобразие второй «Критики» Канта с самого начала определялось тем, что «практическое действие» категорически и бескомпромиссно противопоставлялось в ней благоразумно-практичному действию (ради успеха, счастья, выживания, эмпирической целесообразности) и иллюстрировалось именно примерами уклонения от недостойного дела.

Соответственно, интеллектуальная способность, на которую опирается «чистое практическое действие», оказалось глубоко отличной от того интеллектуального орудия, которым пользуется «практик». Если последний полагается на «теоретический разум», как на средство исчисления

целесообразности или успеха, то субъект «практического действия» исходит из показания разума, непосредственно усматривающего безусловную невозможность определенных решений и вытекающих из них событий.

Отсюда следовал важный вывод о независимости структуры подлинного человеческого поступка от состояния способности человека познавать. Человек остался бы верен своему долгу (своему сознанию безусловной невозможности совершать – или не совершать – определенные поступки), даже если бы он вообще ничего не мог знать об объективных перспективах развертывания своей жизненной ситуации.

За царством неопределенностей и альтернатив, в которое вводила «Критика чистого разума», открывалось царство ясности и простоты – самодовлеющий мир личного убеждения. «Критическая философия» требовала осознания ограниченности человеческого знания (а оно ограничено научно достоверным знанием), чтобы освободить место для чисто моральной ориентации, для доверия к безусловным нравственным очевидностям.

Сам Кант, однако, формулировал основное содержание своей философии несколько иначе. «Я должен был устранить знания, – писал он, – чтобы получить место для веры».

Список литературы

1. Кант И. Собрание сочинений : В 8 т.: [Пер.с нем.] / Под общ. ред. А.В. Гулыги. - М. : Чоро, 1994.
2. Кант И. Лекции по этике : Сборник / Иммануил Кант; [Пер. с нем. А.К. Судакова, В.В.Крыловой]. - М. : Республика, 2000. - 430 с.

О ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

УО «Гродненский государственный медицинский университет»

Халлыев Ф., 3 к., 7 гр., ФИУ

Кафедра русского и белорусского языков

Научный руководитель – ст. преп. Боборико Г.И.

Туркменский язык относится к огузской группе тюркских языков, хотя также имеет некоторые черты языков кыпчакской группы. Территориально туркменский язык сосредоточен в Туркмении, а также в Иране, Афганистане, Турции, Ираке, Каракалпакии, Таджикистане, Казахстане, Узбекистане, в Ставропольском крае и в Астраханской области (селения Атал, Фунтов – 1,2) России.

Базой для возникновения туркменского языка послужил язык поселившихся в Приаралье в конце первого тысячелетия нашей эры огузов.